ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

И. Бевзаботный

ДВѢ РЕВОЛЮЦІИ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЪ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

«Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!».

ГИЗО
М268 р

Мануильский, Д.З.
И. Безработный.

ДВѢ РЕВОЛЮЦІИ.

Цѣна 50 к.

изд. ПРИБОЙ

ПЕТЕРБУРГЪ.
1918.

1-экз.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2003

1924

ГИЗО
М268 Р

ИНСТИТУТ В. И. ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
98283

Государственная Типографія № 1.

Двѣ революціи.

Октябрьская революція въ Россіи поставила передъ международнымъ пролетаріатомъ проблему захвата власти. Въ критическую эпоху, подобную той, которую мы переживаемъ, этотъ захватъ и удержаніе власти четвертымъ сословіемъ и не могли произойти въ мирныхъ конституціонныхъ формахъ, а лишь путемъ желѣзной диктатуры, при которой угнетенные классы диктуютъ свою волю насиліемъ, что и подало поводъ нѣкоторымъ писателямъ говорить о якобинствѣ рабочей партіи.

Современный большевизмъ имѣетъ съ якобинствомъ развѣ то общее, что онъ какъ и якобинство во Франціи является высшей послѣдней стадіей въ развитіи революціоннаго процесса. Якобинцы во время великой французской революціи должны были перешагнуть черезъ трупы жирондистовъ, чтобы привести наиболѣе радикальную фракцію буржуазіи къ власти. Большевики въ Россіи должны были пройти мимо «живыхъ труповъ» Милюкова и Гучкова, перешагнуть черезъ голову «соціалистическихъ» фракцій мелкой буржуазіи, чтобы завершить побѣдоносное шествіе революціи впередъ передачей государственнаго аппарата въ руки рабочей партіи. То, что господа изъ «Рѣчи» называютъ *партійнымъ* этапомъ въ развитіи русской революціи, есть побѣда классовой революціи пролетаріата, вынужденнаго отбиваться одновременно отъ монархическихъ происковъ Пуришкевича, отъ контръ-революціи буржуазнаго типа, возглавляемой кадетской партіей и наиболѣе наглой контръ-революціонной аттаки со стороны «соціалистовъ» оборонческаго лагеря. И поскольку большевизмъ является высшимъ пунктомъ въ нарастаніи революціонной стихіи, за его пораженіемъ кроется перерывъ въ историческомъ процессѣ, знаменующій собою пропасть для всей «демократіи» Россіи. Преступленіе фракцій эсэровъ и меньшевиковъ, если можно говорить въ политикѣ о преступленіяхъ соціальныхъ группъ, въ томъ и заключается, что та оппозиція, которую проявляютъ эти «соціалистическія» партіи къ власти народныхъ комиссаровъ, играетъ на руку «калединству», какъ воплощенію тѣхъ висѣлицъ и публичныхъ казней, о которыхъ писалъ Пуришкевичъ въ своемъ пресловутомъ письмѣ къ генералу Каледину.

*

За большевиками въ случаѣ ихъ пораженія идетъ вновь не Керенскій, Черновъ и Церетели, а темная сила генеральской крупно-капиталистической контръ-революціи.

Но «якобинство» пролетарской партіи, вознесенной въ Россіи къ власти, тѣмъ и отличается отъ якобинства временъ французской революціи, что оно опирается на сочувствіе широкихъ народныхъ массъ. Ни одна политическая партія не пользовалась, пожалуй, ни въ одной странѣ такимъ вліяніемъ какъ большевики. Большевизмъ сталъ олицетвореніемъ революціи, отъ которой его такъ же трудно отдѣлить какъ соціализмъ отъ классовой борьбы пролетаріата. Большевизмъ нынѣ—массовое теченіе, такое же историческое явленіе, какимъ въ свое время было христіанство, пришедшее на смѣну языческому міру; «большевикъ» нынѣ синонимъ всякаго рабочаго, матроса, солдата, крестьянина, такой же какъ «эсэр» синонимъ всякаго саботажника и калединца. Слово большевикъ въ опредѣленіи соціально-политической принадлежности того или другого лица играетъ ту же роль, какую во время великой Французской революціи играло слово «патріотъ». Понятіе «патріотъ» охватывало тогда все то честное, возстававшее, которое бунтовало противъ «аристократа», ненавидѣло его за попытки подавить національную революцію при помощи иноземныхъ войскъ и было своего рода идейнымъ паспортомъ для революціонныхъ классовъ разбившей феодальныя оковы Франціи. Въ русской революціи понятіе большевизма охватываетъ цѣлый циклъ самыхъ различныхъ явленій; тутъ и разная теоретическая оцѣнка роли пролетаріата, крестьянства и буржуазіи въ нашей революціи, тутъ и иное опредѣленіе ея характера и взаимоотношеній между Совѣтами и парламентскими учрежденіями, тутъ и стихійный протестъ противъ войны, зафиксированный въ формулѣ борьбы противъ «имперіалистической бойни», тутъ и братаніе на фронтѣ и отношеніе къ Интернаціоналу. Большевизмъ сталъ лишь своего рода *идейной оболочкой для стихійнаго недовольства массъ*. Не будь въ русской революціи большевизма, это стихійное недовольство нашло бы другое русло; здоровый классовый инстинктъ пролетаріата попытался бы найти другую форму для своего выявленія. Этого какъ разъ не могли понять ни «критически мыслящія» личности изъ «Дѣла Народа», ни вышедшія въ тиражъ «марксистскія» безличности изъ «Дня», для которыхъ успѣхъ большевизма въ Россіи былъ либо результатомъ роковой случай-

ности, либо слѣдствіемъ беззастѣнчивой демагогіи вождей. Никогда еще вульгарная плоскость идеалистической мысли не сказывалась ярче, чѣмъ въ этомъ глубокомысленномъ объясненіи такого серьезнаго явленія какъ успѣхъ большевизма въ Россіи.

А между тѣмъ, если бы эти люди обладали хотя бы малѣйшей способностью не скользить по поверхности событій, а вдумываться въ ихъ причины, то они бы поняли, что всеобщая европейская революція 1848 г. закончила собою фазу буржуазныхъ революцій и раздѣлалась безпощадно и навсегда съ идеологіей европейскаго меньшевизма и эсэровства типа Луи Блана. Уже парижская коммуна показала, что всякое революціонное движеніе въ Европѣ будетъ сопровождаться ростомъ и вліяніемъ «большевизма», т. е. идеологіи, отражающей интересы четвертаго сословія. Но русскому большевизму, родившемуся въ условіяхъ національной ограниченности революціи 1905—6 г., нужно было пройти сквозь ритуалъ очищенія отъ типичныхъ чертъ національной самобытности, чтобы получить всѣ права гражданства международной идеологіи. Теоретически эту работу очищенія большевизма отъ національной окраски произвелъ въ 1905 г. Л. Д. Троцкій, попытавшійся связать русскую революцію со всѣмъ международнымъ движеніемъ пролетаріата идеей перманентной революціи въ Европѣ. Русская революція, такимъ образомъ, была вставлена абстрактно тов. Троцкимъ въ раму европейской перспективы, но для того, чтобы она стала практически частью международнаго революціоннаго движенія, нужны были такія условія, которыя бы подчинили ея судьбу успѣху европейской революціи. Война, втянувшая Россію въ международный конфликтъ, *интернаціонализировала* нашъ старый большевизмъ. Онъ оказался наиболѣе и наилучше идейно забронированной теоріей для новой эпохи.

Но по мѣрѣ того, какъ партія пролетаріата совлекала съ себя ветхія ризы стараго Адама, по мѣрѣ того какъ она расширяла кругъ своего вліянія на соціальные низы и становилась дѣйствительно рабочей по своему составу партіей, тѣмъ быстрѣе она теряла попутчиковъ, налипавшихъ къ старой Соц. Дем. пластами какъ самой радикальной *политической партіи*. Интеллигенція, заполнявшая ряды соціалистическихъ партій до 1905 г., массами уходила отъ старой Соц. Дем., ставшей для нея своего рода проходнымъ дворомъ, черезъ который продефилировали цѣлыя поколѣнія молодыхъ буржуа прежде чѣмъ отдать себя безвозвратно

на службу отечественному капиталу. Старая Соц. Д-ія въ лицѣ ея меньшевистскаго крыла была лишь *этапомъ* въ политическомъ *самоопредѣленіи* русской интеллигенціи. Черезъ марксизмъ проходили Булгаковъ, Плехановъ, Струве, Потресовъ, Изгоевъ и Базаровъ, бравшіе его эволюціонную сторону для созданія ученія о развитіи молодого русскаго капитализма. Въ этомъ была характерная особенность нашего общественнаго развитія, что «соціализмъ» Бельтова и Михайловскаго былъ школой гражданственности для будущихъ идеологовъ русской буржуазіи. И этотъ «соціализмъ» оказался повернутымъ всѣмъ своимъ остріемъ въ сторону пролетаріата, когда этотъ послѣдній сдѣлалъ въ октябрѣ мѣсяцѣ попытку раздвинуть рамки «буржуазной» революціи. Даже Россійская буржуазія не проявила такой ненависти и бѣшенства по отношенію къ большевизму, какую выказало ренегатствующее провостье изъ «Дня», «Новой Жизни» и «Дѣла Народа». Тутъ прошелъ основной водораздѣлъ между сторонниками политической и соціальной революціи.

Превращеніе политической революціи въ соціальную не могло не сопровождаться отколомъ отъ нея различныхъ общественныхъ группъ. Одна за другой отваливается отъ нея сначала умѣренная оппозиція кадетскаго типа, потомъ «соціалистическая» интеллигенція оборонческаго толка и наконецъ тотъ разжиженный меньшевистскій интернаціонализмъ, который, какъ кандальный каторжникъ, связалъ себя общностью политической судьбы съ партіей г. Церетели. И эта утечка мелкой буржуазіи отъ революціи идетъ такъ быстро, что къ послѣднему октябрьскому этапу революція доходитъ въ исключительно «большевистскомъ» видѣ. Вся Россія дѣлится на два враждебныхъ непримиримыхъ лагеря: на *большевиковъ* и *небольшевиковъ*, вся борьба принимаетъ не столько характеръ столкновенія съ крупной буржуазіей, сколько характеръ борьбы партіи большевиковъ съ партіей эсеровъ и плетущихся у нея на поводу меньшевиковъ. Эсэровство на этой стадіи развитія русской революціи становится какъ одинъ изъ видовъ иллюзій массъ опаснѣе и монархическихъ заговоровъ и кадетской реставраціи, которая пользуется эсеровствомъ какъ своей политической агентурой для дѣла востановленія привилегій буржуазіи. Но эсеровская партія, такъ распухшая въ мартѣ за счетъ иллюзій народныхъ массъ, теряетъ къ октябрю свое обаяніе, превратившись въ ту же аморфную интеллигентскую группу, какой

она была первоначально до революціи. И этотъ процессъ передвиженія силы вліянія съ одного соціальнаго полюса на другой происходитъ въ періодъ времени, заключенный между февралемъ и октябремъ. Восемь мѣсяцевъ революціи произвели въ мозгу народныхъ массъ ту освѣжающую, очистительную работу, какой не могли сдѣлать въ Европѣ четверть вѣка упорной и непрерывной соціалистической пропаганды.

Февраль и Октябрь—двѣ историческія даты: февраль ознаменовалъ собою начало буржуазной революціи въ Россіи, Октябрь—конецъ этого начала. Отъ той буржуазной революціи, которую намъ торжественно возвѣстили догматики русскаго марксизма, получился лишь одинъ рахитичный восьмимѣсячный выкидышъ. Буржуазная революція въ силу цѣлаго ряда историческихъ причинъ слишкомъ запоздала въ Россіи, чтобы новый претендентъ на революціонную корону въ лицѣ пролетаріата не сдѣлалъ смѣлой попытки наложить свою руку на ходъ историческихъ событій.

I.

Февральская революція была дѣломъ *общенаціональнымъ* въ томъ смыслѣ, что прогнившая насквозь романовская монархія изолировала себя отъ всѣхъ классовъ общества. Она изолировала себя прежде всего въ самой Россіи. Не говоря уже о пролетаріатѣ-классѣ, глубоко враждебномъ сословно дворянскому государству, не говоря уже о крестьянствѣ, отдѣлавшемся въ значительной степени отъ своихъ монархическихъ предразсудковъ во время аграрнаго движенія въ 1905—7 г., не говоря объ обворованной, замученной тяжелой дисциплиной арміи,—даже въ массѣ своей монархическая русская буржуазія противостояла царизму какъ враждебная сила, презиравшая его за его неспособность въ дѣлѣ доведенія войны до побѣднаго конца и осуществленія ея имперіалистскихъ цѣлей. Всѣми ненавидимый царизмъ сумѣлъ оттолкнуть отъ себя даже тѣхъ дворянскихъ евнуховъ, которые составляли вѣрную опору романовскаго трона. Въ Европѣ и главнымъ образомъ въ Англіи на него смотрѣли какъ на обанкротившагося холопа, не сумѣвшаго оправдать возложеннаго на него довѣрія. Восемь милліоновъ штыковъ, поставленные имъ на службу союзному капиталу, были въ глазахъ благородныхъ лордовъ и прожженыхъ биржевиковъ Лондонскаго Сити слишкомъ недостаточной

компенсаціей за тѣ пораженія, которыя испытала Россія на австро-германскомъ фронтѣ.

Наканунѣ революціи царизмъ могъ пользоваться еще извѣстнымъ престижемъ либо среди немногочисленныхъ Донъ-Кихотовъ романовской династіи, вродѣ Маркова 2, либо иступленныхъ изувѣровъ, стоящихъ на границѣ протопоповскаго умопомѣшательства. Безъ штыковъ и безъ народа старый режимъ не могъ, конечно, держаться на однихъ юродивыхъ старцахъ, гадалкахъ, придворныхъ распутницахъ и коронованныхъ блудницахъ. Въ своей духовной скудости и древне-московской патріархальности русскій дворъ не сумѣлъ создать даже своей мадамъ Ментенонъ, а сдѣлалъ могильщикомъ русской монархіи традиціонную фигуру «юродиваго во Христѣ» Гришки, сочетавшаго хитрость сибирскаго кулака съ мистицизмомъ придворныхъ бдѣній. И сила отвращенія передъ этой картиной дворянско-монархическаго развала была такова, что даже придворная челядь, связанная круговой порукой съ монархіей, брезгливо отвернулась отъ нея и поспѣшила покинуть, подобно обожравшимся крысамъ, тонущій корабль съ трехстолѣтней династіей.

То, что спаяло всѣ классы общества, что создало въ первые дни февральской революціи иллюзію внѣшняго единства, была жгучая ненависть ко всѣмъ опостылѣвшему режиму. Но нужно сказать, что съ готовымъ *организаціоннымъ аппаратомъ*, могущимъ замѣнить органы старой власти, вступили въ революцію лишь имущіе классы. Они въ лицѣ IV-ой Государственной Думы имѣли свой политическій центръ. Прогрессивный блокъ, за бортомъ котораго, если не считать кучки марковцевъ, остались представители пролетаріата и идеологи мелкой буржуазіи типа Керенскаго-Чхеидзе, объединилъ вокругъ себя и крупное землевладѣніе и финансовую олигархію и промышленный капиталъ, представляя собою съ точки зрѣнія доктринеровъ «буржуазной революціи въ Россіи» готовую форму для перехода власти въ руки новыхъ классовъ. Съ другой стороны, на мѣстахъ *городскія самоуправленія и земства* стали при старомъ режимѣ опорными пунктами, при помощи которыхъ лойяльная «оппозиція Его Величества» пыталась взять изъ моромъ власть. Особенно усилилась роль городовъ и земствъ съ начала войны. Подъ легальной личиной «союза городовъ и земствъ», призванныхъ обслуживать военныя нужды страны, имущіе слои не только вытѣснили органы старой власти изъ нап-

болѣе важной отрасли ея дѣятельности, но и создали могущественнѣйшій аппаратъ для распространенія своего вліянія на армію.

Такого рода аппарата какъ разъ и недоставало загнанной въ подполье русской демократіи. Ей съ первыхъ дней февральскаго возстанія пришлось подъ огнемъ строить свой боевой фронтъ и создавать свои боевые штабы. Русская революція 1905 года завѣщала ей форму организаціи революціонныхъ массъ въ видѣ Совѣтовъ рабочихъ, а кое гдѣ какъ въ Красноярскѣ и Читѣ и солдатскихъ депутатовъ. Революціоннымъ массамъ оставалось лишь использовать опытъ 1905 года и воплотить въ жизнь исторически преемственную форму организаціи періода первой волны русской революціи. Но все-же отсутствіе организаціи у рабочихъ и солдатъ къ началу возстанія не могло не отразиться самымъ гибельнымъ образомъ на судьбѣ февральской революціи. Вся власть была захвачена Комитетомъ Государственной Думы, совѣтамъ было предоставлено право «на оппозицію».

Какъ могло случиться, что классы, свершившіе февральскій переворотъ,—рабочіе и солдатскіе низы безъ боя отдали въ порывѣ непонятнаго благодушія завоеванныя ими позиціи классовымъ врагамъ? Если даже оставить въ сторонѣ объективныя предпосылки, парализовавшія переходъ власти къ совѣтамъ, то все же непонятна та субъективная робость, которую проявили вожди февральскаго движенія, робость, которая тяготѣла тяжелой гирей на всей политикѣ Чхеидзе, Керенскаго и Церетели и которая погубила ихъ какъ политическую партію. Впослѣдствіи на Минскомъ съѣздѣ т. Стекловъ объяснилъ это добровольное самоустраненіе демократіи отъ власти причинами психологическаго характера. У нея не было, дескать, твердой увѣренности, что она сможетъ одна въ видѣ однороднаго соціалистическаго блока справиться съ огромными задачами, возложенными на нее революціей. Мелко-буржуазнымъ вождямъ нужно было пройти, повидимому, черезъ большевитское октябрьское возстаніе, чтобы проявить такое необычное для нихъ дерзаніе. Имъ нужно было восьмимѣсячное хозяйничанье цензовыхъ элементовъ, доведшихъ страну до полнаго экономическаго развала и гибели, чтобы передать наконецъ Совѣтамъ не страну, а ломъ и возложить на нихъ страшную политическую отвѣтственность за судьбы Россіи.

Но эта неувѣренность, столь характерная для мелкаго буржуя, чувствующаго свою зависимость отъ крупнаго капитала, оказалась

не только въ начальный періодъ русской революціи, когда совѣтская организація едва вылупилась изъ яйца, она характеризовала собою всю политику мелко-буржуазной демократіи вплоть до октябрьскаго переворота. То, что въ глазахъ писателей изъ буржуазнаго стана составляло силу и красоту февральской революціи— именно всеобщее единеніе, сентиментальное братанье на улицахъ представителей всѣхъ классовъ общества, трескучій пафосъ Керенскаго, находившій одинаково восторженный пріемъ и у «перваго русскаго революціонера» Родзянко и у измученнаго трехлѣтней войной измайловскаго солдата, составляло какъ разъ слабость перваго этапа революціи, отражало ея классовую неоформленность, свидѣтельствовало о недостаточной зрѣлости массъ и объ ихъ полной политической безпомощности.

Въ представленіи имущихъ классовъ февральская революція была общенаціональной потому, что она была дѣйствительно буржуазной революціей, предоставившей всю полноту власти имъ. «Національный» энтузіазмъ, вызванный паденіемъ царизма, они разсчитывали использовать, чтобы убить стихійно развившійся при старомъ строѣ антипатріотизмъ народныхъ массъ, перенесшихъ свою ненависть съ квартальнаго на классовое государство вообще. Революція для имущихъ классовъ была лишь средствомъ побѣдоноснаго продолженія войны, ибо, если царизмъ былъ неспособенъ спаять націю въ единое цѣлое, чтобы противопоставить ее воюющимъ съ нимъ народамъ, это должна была сдѣлать революціонная стихія. Россія черезъ революцію должна была покончить съ періодомъ гражданской войны, чтобы создать тотъ внутренній «бургфриденъ», который характеризовалъ политику европейскаго соціалъ-патріотизма. Черезъ революцію Россія должна была вступить въ «семью» европейскихъ народовъ, построившихъ свою гражданскую жизнь на началахъ прочнаго буржуазнаго правопорядка. Февральская революція была, такимъ образомъ, въ глазахъ буржуазіи «общенаціональной» не только потому, что она благодаря запуганности мелко-буржуазныхъ руководителей устраняла соціальные низы отъ власти, но и потому, что она явилась источникомъ новѣйшаго націонализма, охватившаго въ одинаковой степени и крупнаго буржуа и мелкаго лавочника и бундистовъ изъ «Дня» и «бывшихъ людей» изъ интеллигенціи съ террористическимъ прошлымъ. Только послѣ февральской революціи у насъ сталъ возможенъ націонализмъ европейскаго типа. И поскольку

мелкая буржуазія создавала фонъ картины февральской революціи, она привнесла въ нее ту же самую идеологію націонализма, съ какой бурно выступили сто съ лишнимъ лѣтъ тому назадъ ея французскіе предки. Весь трагизмъ положенія нашей мелкой буржуазіи и ея интеллигентскаго крыла былъ лишь въ томъ, что въ молодой республикѣ Франціи патріотизмъ Дантона имѣлъ для феодальной Европы революціонизирующее значеніе, тогда какъ націонализмъ нашихъ Церетели въ обстановкѣ имперіалистской войны имѣлъ глубоко-реакціонное содержаніе.

Но это идеологія въ странѣ, гдѣ 80% населенія составляла мелкая буржуазія, явилась черезвычайно ходкимъ товаромъ. Массы, задавленныя гнетомъ полицейскаго режима, не жившія интенсивной политической жизнью, представляли собою весьма благопріятную среду для воспріятія націоналистической фразеологіи. Шагъ за шагомъ русская демократія отступаетъ даже отъ той мирной программы, которую она выставляла въ знаменитомъ воззваніи къ народамъ Европы 14-го Марта.

Какъ во внутренней политикѣ отказомъ отъ «власти совѣтамъ», такъ и во внѣшней—отреченіемъ отъ энергичной борьбы за миръ «русская революціонная демократія» признала *гегемонію* имущихъ классовъ. А между тѣмъ сама эта гегемонія могла восторжествовать лишь постольку, поскольку сознательное революціонное крыло пролетаріата представляло *меньшинство* въ массѣ демократіи и терпѣло надъ собою идейное руководство мелкобуржуазныхъ вождей. *Гегемонія буржуазіи*, выразившаяся въ февральской революціи въ формѣ созданія думскаго кабинета, была куплена цѣной *гегемоніи мелко буржуазной интеллигенціи надъ пролетаріатомъ*.

Стоитъ припомнить, какими негодующими криками покрывали въ Маѣ мѣсяцѣ солдатскіе депутаты въ Совѣтѣ рѣчи Ленина и Троцкаго, какими бурными овваціями они встрѣчали жалкаго фигляра Чернова или безпомощно барахтавшагося въ туманѣ своихъ несложныхъ мыслей Скобелева, чтобы оцѣнить размѣры закрѣпощенія массъ мѣщанскими политиками. А эта солдатская масса давила какъ разъ всей своей тяжестью внутри Совѣтовъ на рабочее меньшинство. Вся конструкція Совѣтовъ была построена такъ, чтобы обезпечить вліяніе Скобелева передъ Троцкимъ и Чернова передъ Ленинымъ. Подъ видомъ борьбы лицъ, въ которой филистеры и глупцы склонны были видѣть игру честолюбій, скрывалась борьба классовъ за политическую гегемонію въ русской

революціи. Для того, чтобы отъ національной февральской революціи привести массы къ *классовой* октябрьской революціи, Соц. Д-я должна была прежде всего высвободить самъ пролетаріатъ изъ подъ мелко-буржуазныхъ вліяній, она должна была во вторыхъ отколоть отъ оборончества тѣ солдатскія массы, тѣ слои бѣднѣйшаго крестьянства, которые въ февральскіе дни делегировали Керенскаго въ составъ думскаго кабинета, которые брали всерьезъ со слезами наивной вѣры и энтузіазма завѣренія романтика первой полосы революціи.

«Если я измѣню Вамъ—убейте меня»

Прежде чѣмъ пойти на штурмъ Зимняго дворца и итти въ поискахъ за Керенскимъ въ Гатчино, массы должны были пережить уроки восьмимѣсячнаго революціоннаго воспитанія.

II.

Періодъ, протекшій со времени февраля до октябрьскаго возстанія, былъ той огромной революціонной школой, которая превратила нашу классовую «сестаитскую» рабочую партію въ партію *общенародную*, наиболѣе популярную и наиболѣе сильную сейчасъ въ Россіи. Наперекоръ всѣмъ партіямъ войны мы стали могущественнѣйшей партіей мира. Наперекоръ всѣмъ враждебнымъ силамъ верхней «націи», сплотившейся противъ насъ, мы стали властью.

Но раньше чѣмъ прійти къ власти, партія пролетаріата должна была выдержать острую борьбу и испытать не одинъ ударъ со стороны запуганныхъ лавочниковъ и политическихъ торгашей, пустившихся въ открытое море общегосударственной политики.

Судьба русской революціи зависѣла въ извѣстной степени отъ того, какую роль будетъ играть и *какую позицію* займетъ въ ней *мелкая буржуазія*. Пролетаріатъ, подчинившій своему вліянію массы крестьянства, привлекшій на свою сторону городское мѣщанство и ту интеллигенцію, которая пошла сейчасъ такъ усердно на выучку къ капиталу, представлялъ бы такую огромную соціальную силу, которой не страшна была бы никакая контръ-революція Донской Вандеи. Измѣна и перебѣжничество мелко-буржуазной интеллигенціи дѣлали лишь болѣе мучительнымъ процессъ овладѣнія имъ властью. Они усугубляли внутреннюю

гражданскую распрю, поддерживая сопротивленіе крупнаго капитала. Отколъ отъ пролетаріата мѣщанской интеллигенціи, опиравшейся отчасти на Совѣты, сдѣлалъ лишь то, что мы вынуждены были затратить восемь мѣсяцевъ упорной борьбы на то завоеваніе власти, которое могло быть сдѣлано на другой день послѣ февральскаго возстанія. Понадобилось другое возстаніе, чтобы выбить имущіе классы изъ захваченныхъ ими благодаря измѣнѣ мелкой буржуазіи позицій. А между тѣмъ были моменты, когда власть могла перейти къ Совѣтамъ почти безболѣзненно, быть можетъ безъ пролитія одной капли крови. Буржуазія послѣ дней 20-го и 21-го Апрѣля была слишкомъ изолирована, чтобы вступить въ открытый поединокъ съ Совѣтами безъ поддержки мелкой буржуазіи. Даже тогда, когда во время октябрьской революціи она рѣшилась въ Петроградѣ и Москвѣ начать кровавую борьбу противъ власти Совѣтовъ при явной поддержкѣ праваго крыла и центра эсеровъ и меньшевиковъ всѣхъ оттѣнковъ, она не смогла противопоставить противъ Совѣтскихъ войскъ ничего кромѣ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ, да бѣлой гвардіи изъ юнкеровъ.

Если политика эсеровъ и меньшевиковъ въ теченіе всѣхъ восьми мѣсяцевъ революціи заключалась въ томъ, что они судорожно цѣплялись за коалицію съ цензовыми элементами, что они упорно отвергали тотъ блокъ, который предлагала имъ для завоеванія власти рабочая партія, то политика этой послѣдней состояла изъ ряда попытокъ расколоть коалицію съ цензовыми элементами и создать *единый революціонный фронтъ*. Задолго до того, какъ взять всю отвѣтственность за судьбы страны на себя *однихъ*, большевики дѣлали систематически шаги къ тому, чтобы толкнуть Бурдановыхъ ословъ, одѣвшихъ неподобающіе имъ фригійскіе колпаки на путь болѣе рѣшительной борьбы. Каждый министерскій кризисъ власти могъ при активномъ вмѣшательствѣ стараго Ц. И. К. стать исходнымъ моментомъ образованія Совѣтскаго правительства *мирнымъ безкровнымъ* путемъ. И большевики, представлявшіе меньшинство въ Совѣтахъ, пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы поставить вопросъ о власти въ порядокъ дня. Они избрали для этого тактику *давленія снизу* на Совѣтское большинство при помощи демонстрацій.

Первый разъ они прибѣгли къ ней во время перваго всероссійскаго Съѣзда Совѣтовъ въ Іюнѣ. На 10-ое Іюня Ц. К. рабо-

чей партіи была назначена демонстрація рабочихъ и солдатъ въ пользу перехода власти къ Совѣтамъ. И нужно было видѣть, какимъ улюлюканіемъ встрѣтили всѣ эти Конотопскіе и Пошехонскіе «диктаторы», съѣхавшіеся на Съѣздъ, извѣстіе о демонстраціи. Съ этой разсвирѣпѣвшей провинціей, въ обывательскомъ воображеніи которой рисовались уже ужасы коммуны, оказались на этотъ разъ «интернаціоналисты» типа Мартова, Суханова и всѣ заячьи души изъ «Новой жизни». Размѣры поднятой травли были таковы, что рабочая партія 10 Іюня отступила.

Второй разъ пролетарская демократія пыталась оказать давленіе на мелкую буржуазію 3—4 Іюля. Но демонстрація 3—4 Іюля не достигла своей цѣли и была использована врагами рабочей демократіи для вящаго ея пораженія. Исторически объективное значеніе пораженія пролетаріата въ іюльскіе дни состояло въ томъ, что мелкая буржуазія дала недвусмысленно понять рабочимъ массамъ, что *новую классовую революцію* въ Россіи имъ придется дѣлать *помимо нея* и *противъ нея*. Послѣ вызова войскъ съ фронта, послѣ разоруженія петроградскаго пролетаріата руками Церетели, было ясно, что демаркаціонная линія революціи пройдетъ внѣ Церетели, Гоцовъ и Черновыхъ, что для побѣды Совѣтовъ нужна какая то другая коалиція силъ, не втянутыхъ еще въ водоворотъ политической борьбы. Рабочей демократіи нужно было обрости какимъ то новымъ соціальнымъ слоемъ, чтобы добиться идейной гегемоніи въ Совѣтахъ и произвести завоеваніе власти собственными силами «противъ всей націи».

Революціонный процессъ имѣетъ то преимущество, что онъ не только отметаетъ однѣ соціальныя группы, сдаетъ въ архивъ исторіи тѣхъ или другихъ политическихъ дѣятелей, на которыхъ молилась еще недавно народная масса, но и то, что онъ втягиваетъ новые слои населенія, которые до тѣхъ поръ инертно плелись въ хвостѣ событій. Масса бѣднѣйшаго крестьянства встрѣтила февральскую революцію какъ чисто городской «господскій» переворотъ. Февральское возстаніе не вызвало на мѣстахъ аграрной революціи, которая въ такой земледѣльческой странѣ какъ Россія только и могла придать перевороту общенародный характеръ. Аграрная революція или то, что буржуазная пресса называла «анархіей», пришла позже, пришла на седьмомъ мѣсяцѣ пребы-

ванія у власти соціалиста-революціонера Керенскаго. Только на 6—7-омъ мѣсяцѣ въ глубину Россіи докатилась та революціонная волна, которая зародилась въ столицѣ въ февральскіе дни. То, что составило силу большевиковъ какъ политической партіи послѣ іюльскаго пораженія, было *аграрное движеніе*, охватившее русскую деревню, и переломъ въ связи съ этимъ въ настроеніи арміи.

Армія, связанная всей своей соціальной пуповиной съ деревней, придала также какъ и крестьянство лѣвому революціонному крылу демократіи невиданный въ исторіи удѣльный политическій вѣсъ. Тѣ совѣтскіе представители отъ солдатъ, которые были избраны на другой день послѣ февральскаго переворота, тѣ интелигенты офицеры, вольноопредѣляющіеся съ университетскими значками, которые заполонили собою армейскіе комитеты, послѣ іюльскихъ дней постепенно теряютъ кредитъ. Снизу идетъ новая солдатская демократія, очищенная восьмимѣсячнымъ страданіемъ, омытая кровью іюньскаго наступленія отъ иллюзій мѣщанской политики. Въ центрѣ происходитъ паденіе вліянія Церетели, Керенскаго, въ крестьянствѣ Авксентьева, въ арміи Кучиныхъ. Одновременно откалываются отъ правительственнаго блока эсеровъ и меньшевиковъ справа цензовые элементы, слѣва «коалиція рабочихъ, солдатъ и крестьянъ», въ которую превратилась рабочая партія. Политика *изоляціи пролетаріата*, которую такъ страстно хотѣлъ проводить мелкій буржуа, послѣ своей побѣды 3—4 іюля превратилась въ *полную изоляцію мелкаго буржуа*, пришедшаго къ самому постыдному банкротству. Бѣгство Керенскаго—это драма цѣлаго класса, цѣлой группы мелкихъ буржуа, дезертирующихъ въ сознаніи своего безсилія передъ тѣми грозными и величественными задачами, которыя стали передъ міровой демократіей.

Въ какомъ то истерическомъ изступленіи мелко-буржуазные политики пытаются передъ лицомъ надвигающейся соціальной схватки двухъ борющихся классовъ создать фантомъ «національнаго единства» и національной твердой власти. Въ условіяхъ революціоннаго катаклизма они грезятъ о «собственномъ рабочемъ» Ллойдъ-Джорджѣ, о правительствѣ, построенномъ по англійскому и французскому образцу на принципѣ представительства всѣхъ партій—но въ «массахъ», идущихъ за ними, они могутъ найти лишь простоватаго Кузьму Гвоздева, а европейскія модели

конструкціи власти оказываются безжизненными формулами, ведущими страну отъ кризиса къ кризису. Въ поискахъ «живыхъ силъ» мелкій буржуа аппелируетъ отъ Совѣтовъ, гдѣ онъ былъ недавно своимъ человѣкомъ, къ Московскому Государственному Совѣщанію, стараясь найти соціально политическій базисъ для своей истерической политики. Отъ Московскаго Государственнаго Совѣщанія онъ кидается судрожно къ кооперативамъ, отъ кооперативовъ къ предпарламенту, ознаменовывая каждый свой шагъ новой политической измѣной, всюду наталкиваясь на новую неудачу. Совѣты, гдѣ онъ еще недавно развалился въ роли полновластнаго хозяина, Совѣты, въ которыхъ онъ видѣлъ правомочныя органы «революціонной демократіи», становятся въ его глазахъ теперь «наскоро сколоченными бараками», которые должны быть замѣнены прочнымъ каменнымъ зданіемъ Учредительнаго Собранія. Онъ становится открыто наканунѣ октябрьской революціи на путь разрыва съ Совѣтами и этотъ день является днемъ его политической смерти, ибо мелкій буржуа, изолированный отъ Совѣтовъ, не представляетъ ни малѣйшей цѣнности, ни интереса для его цензовыхъ союзниковъ. И чѣмъ острѣе онъ чувствуетъ свое безсилье, столь типичное для всей его позиціи, тѣмъ больше желчи и озлобленія проявляетъ онъ къ той партіи, которая идетъ черезъ его голову по восходящей линіи революціи къ власти. Какъ паукъ онъ испускаетъ изъ себя паутину лжи и импотентнаго брюзжанія, отравляя ядомъ скептицизма атмосферу революціонной борьбы.

Еще задолго до того, какъ въ дни пролетарскаго возстанія господа Мартовы и Сухановы трусливо бѣжали черезъ заднюю дверь со съѣзда Совѣтовъ, оставивъ рабочую партію одинокой передъ чрезвычайно запутаннымъ внутреннимъ и внѣшнимъ положеніемъ, онъ, мелкій буржуа, недавній вождь совѣтовъ, идейно сжегъ всѣ свои корабли, понявъ, что въ чисто классовой революціи пролетаріата и деревенской бѣдноты ему дѣлать нечего. Запуганный торгашъ, онъ, наканунѣ октябрьскаго выступленія, старался терроризировать рабочую партію своимъ отступничествомъ. На страницахъ «Дѣла Народа» онъ шантажировалъ ее тѣмъ, что ей придется взять власть одной при его прямомъ противодѣйствіи. И рабочая партія взяла власть при циничномъ противодѣйствіи всѣхъ Черновыхъ, всѣхъ Мартовыхъ и всѣхъ Сухановыхъ.

III.

Октябрьская революція была движеніемъ чисто *классовымъ*. Классовая революція пролетаріата и крестьянства была въ то время въ гораздо большей степени общенародной, чѣмъ та, «національная» революція, которая была совершена народными массами при поддержкѣ европейскаго капитала и русской буржуазіи въ февралѣ. Она была раньше всего сдѣлана не только *противъ* своей національной буржуазіи, но и всего *европейскаго имперіализма*. Въ этомъ ея первая своеобразная особенность. Во вторыхъ, она не имѣла лишь характера чисто политическаго переворота, замѣны монархическаго режима режимомъ республиканскимъ. Что русская революція не могла самокастрировать себя одними политическими задачами, что она была чревата огромными соціальными преобразованіями, это сознавали ни одни лишь идеологи пролетаріата. Наиболѣе дальновидные писатели изъ буржуазнаго лагеря учитывали соціальныя перспективы русской революціи гораздо лучше, чѣмъ фразистые мѣщане изъ «Дѣла Народа» и «Рабочей Газеты». Такъ, еще въ началѣ марта г. Туганъ-Барановскій помѣстилъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» чрезвычайно любопытную статью, въ которой предостерегалъ имущіе классы отъ возможныхъ иллюзій насчетъ характера русской революціи.

Двѣ черты бросаются въ глаза при изслѣдованіи движущихъ силъ революціи въ Россіи. Въ то время какъ русскій городъ, втянутый въ мировой товарообмѣнъ, представляетъ собою колыбель современнаго капитализма въ его новѣйшихъ видахъ съ преобладаніемъ финансовой формы капитала надъ индустріальной, русская деревня стоитъ наканунѣ ликвидаціи феодальныхъ отношеній, оставленныхъ ей въ наслѣдство крѣпостной эпохой. Движеніе городского пролетаріата носитъ ярко выраженный *соціалистическій* характеръ; революція въ городѣ есть типичная форма современной соціалистической революціи; она выражается въ борьбѣ за контроль производителя надъ производствомъ или, говоря словами Энгельса, въ введеніи разумнаго и цѣлесообразнаго начала тамъ, гдѣ до сихъ поръ властвовала стихія и анархія. Хозяйственная разруха, сильнѣе всего сказавшаяся во время войны въ такой странѣ, какъ Россія, бѣдной капиталомъ, экономическій аппаратъ которой не выдержалъ столкновенія съ современными

гигантами европейскаго капитализма, поставила передъ пролетаріатомъ заданіе контроля надъ производствомъ какъ *единственное средство спасенія* страны. Праздной доктринерской болтовней поэтому является споръ о томъ, какая у насъ революція, буржуазная или соціалистическая. Если партія революціоннаго пролетаріата выдвигаетъ въ экономически отсталой Россіи на очередь дня подчиненіе производства контролю рабочихъ, то лишь потому, что у рабочей демократіи нѣтъ другого пути; наша страна до октябрьской революціи вынуждена была уже вступить на путь полумѣръ въ смыслѣ регулированія обмѣна между городомъ и деревней. Такія Европейскія государства, какъ Германія, съ самаго начала войны прибѣгли къ практикѣ «государственнаго соціализма». Правда, «государственный соціализмъ», столь воспѣваемый гг. Кольбомъ и Вольфгангомъ Гейне, какъ послѣдняя побѣда рабочаго класса, былъ для имущихъ при данныхъ условіяхъ наименьшимъ зломъ. Этимъ шагомъ они сдѣлали лишь попытку замѣнить иниціативу отдѣльнаго фабриканта контролемъ приказчика цѣлаго класса въ лицѣ буржуазнаго государства.

Если бы мы имѣли установившуюся прочно форму частной земельной собственности въ деревнѣ, если бы наше крестьянство представляло массу твердо осѣвшихъ земельныхъ собственниковъ европейскаго типа вродѣ нѣмецкаго бауэра, мы бы натолкнулись въ нашей революціи такъ же, какъ и европейскіе соціалисты, на упорное сопротивленіе этой мелкой буржуазіи, мы могли бы изолировать соціалистическій пролетаріатъ русскихъ городовъ такъ же, какъ изолировала французскій пролетаріатъ парижская коммуна. Но какимъ ослѣпленіемъ и близорукостью нужно обладать, чтобы не видѣть, что октябрьская революція въ Россіи въ ея крупныхъ промышленныхъ центрахъ, гдѣ власть перешла къ Совѣтамъ р. и с. депутатовъ, тѣмъ и отличается отъ движенія коммуны, что на ряду съ городской революціей въ деревняхъ происходитъ *аграрная революція*. Какимъ образомъ можно иначе объяснить то соціальное чудо, что въ такой отсталой странѣ, какъ Россія, рабочій классъ выступаетъ въ роли руководителя деревенскихъ массъ? А между тѣмъ это непреложный фактъ, опрокидывающій всѣ надуманныя построенія меньшевистско-эсеровскихъ блудослововъ. Если бы октябрьская революція была лишь «петроградской коммуной», отрѣзанной отъ всей страны, власть совѣтовъ народныхъ комиссаровъ не продержалась бы и нѣсколь-

кихъ дней и была бы раздавлена напоромъ вооруженной націи на фронтѣ. То обстоятельство, что Россія переживаетъ *два разныхъ историческихъ типа* революціоннаго движенія и создаетъ все своеобразіе нашей революціи, не укладывающейся въ извлеченные изъ архивовъ исторіи трафареты. И въ соотвѣтствіи съ ея своеобразнымъ характеромъ стоитъ вопросъ о типѣ организаціи, созданной ею. У насъ не было ни конвента, ни директоріи. Все то организаціонное творчество, которое пыталось проявить, по примѣру своихъ великихъ французскихъ родоначальниковъ, наше «третье сословіе», послѣ того какъ оно разорвало съ Совѣтами, сводилось къ серіи болѣе или менѣе шелудивыхъ учрежденій вродѣ россійскаго предпарламента. Единственной формой революціонной организаціи массъ, обладающей прочностью и спаянной глубокой органической связью съ ними, были Совѣты рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ. Постоянно обновляемые сообразно волѣ избирателей, дѣйствующіе въ непосредственномъ контактѣ съ ними, Совѣты организаціонно закрѣпляли единство городской и аграрной революціи, союзъ двухъ наиболѣе многочисленныхъ классовъ современной Россіи. Парижская коммуна не знала Совѣтовъ солдатскихъ депутатовъ, а имѣла передъ собой Версальскую армію Тьера. Русская революція раскинула цѣлую сѣть своихъ организацій какъ въ арміи на фронтѣ, такъ и въ тылу. Эту армію она спаяла съ собой ясной рѣшительной политикой мира. И въ этомъ смыслѣ она не была, по примѣру парижской коммуны, движеніемъ мѣстнымъ, городскимъ, а явленіемъ широко національнымъ. Со времени февраля 1917 г. Совѣты выросли въ силу болѣе крупную, чѣмъ тѣ, организаціонные, очаги, которые создали имущіе классы до февральской революціи. Совѣты явились, такимъ образомъ, новой, невиданной ни въ одной европейской революціи, формой организаціоннаго творчества массъ.

Буржуазные профессора и знатоки государственнаго права будутъ, вѣроятно, въ сильномъ затрудненіи, чтобы опредѣлить форму того государственнаго правленія, которое воцарилось у насъ въ связи съ переходомъ власти къ Совѣтамъ. Они, перелистывая запыленные тома исторіи, будутъ искать аналогій въ тѣхъ децентрализованныхъ парламентахъ, которыми обладала старая Франція до 1789 г. И несомнѣнно одно, что Совѣты представляютъ собою типъ децентрализованной власти, распыленной между цѣлой серіей органовъ. Старое государство какъ принудительный

аппаратъ классового господства имущихъ несомнѣнно вытѣснено въ рядѣ своихъ функцій Совѣтами. Нынѣшнее государство Россійское это сѣть совѣтскихъ республикъ, фабрично-заводскихъ, армейскихъ комитетовъ, это желѣзнодорожный почтово-телеграфный союзъ—однимъ словомъ, это не изолированная столичная коммуна, это совокупность «коммунъ» и организацій, составляющихъ въ цѣломъ государство трудовой демократіи. То, что мы привыкли обычно называть государствомъ, а именно аппаратъ съ цѣлымъ штатомъ полиціи, съ арміей, скованной принудительной дисциплиной, поставленной къ услугамъ имущаго класса, въ Россіи не существуетъ. Имущіе классы и ихъ подголоски разсчитывали лишь возсоздать этотъ аппаратъ черезъ Учредительное Собраніе. Они сознательно умалчиваютъ о томъ, что Учредительное Собраніе не есть парламентъ, а лишь учрежденіе, призванное санкціонировать тотъ или другой соціально-политическій укладъ. Противопоставляя Учредительное Собраніе Совѣтамъ, они противопоставляютъ классовое буржуазное государство государству трудовой демократіи. Само Учредительное Собраніе, какъ форма организаціоннаго строительства, взято ими изъ эпохи буржуазныхъ революцій Западной Европы, тогда какъ Совѣты являются формой диктатуры пролетаріата и крестьянства въ переломный періодъ исторіи, стоящій на грани между пролетарской и буржуазной революціей. Борьба за сохраненіе совѣтской власти, которая возгорится на другой день послѣ созыва Учредительнаго Собранія, будетъ стремленіемъ отстоять максимумъ завоеваній демократіи. Учредительному Собранію останется либо признать декреты о землѣ, о мирѣ, о рабочемъ контролѣ, санкціонировать законодательство широкаго соціальнаго характера новаго рабоче-крестьянскаго правительства, либо аннулировать побѣду рабочихъ и солдатъ, достигнутую ими во время октябрьской революціи. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ Учредительное Собраніе стало бы тормозомъ на пути демократіи, и привело бы своей реакціонной политикой страну къ новой гражданской войнѣ.

И если вся контръ-революція мобилизуется для новой гражданской войны подъ боевымъ флагомъ «Вся власть Учредительному Собранію», то она знаетъ, что дѣлаетъ. Это нынѣ такой же организующій силы контръ-революціи лозунгъ, какимъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ боевой лозунгъ рабоче-крестьянской коалиціи «Вся власть Совѣтамъ». Для цензовыхъ элементовъ и пред-

ставляющей ихъ кадетской партіи, той партіи, которая какъ магнитъ притягиваетъ къ себѣ разсыпанную «черную» пыль вчерашнихъ бандъ погромщиковъ, Учредительное Собраніе это единственная надежда вернуть утерянное съ переходомъ власти къ совѣтамъ соціально-политическое вліяніе; для мелкой буржуазіи, возглавляемой Церетели и Черновымъ, это новая форма *возсозданія сотрудничества съ цензовыми элементами*, воскрешенія осужденной жизнью *коалиціи* съ ними, это новая попытка организаціонно закрѣпить *изоляцію коалиціи* рабочихъ, солдатъ и крестьянъ.

Обѣ эти группы разсчитываютъ въ своей борьбѣ противъ Совѣтской власти опереться не только на воинскую силу Калединской Вандеи, ставшей въ одинаковой степени Меккой для великихъ князей и для бывшихъ террористовъ, но и на тотъ многочисленный слой «обывательщины», которая уже давно съ зонтиками подъ мышкой ждетъ первой возможности, чтобы приступить къ операціи выкалыванія глазъ пораженнымъ «петроградскимъ коммунарамъ». Этотъ слой трусливъ и подлъ, онъ выплываетъ на авансцену лишь тогда, когда воинская сила очищаетъ площади отъ возставшаго народа и гарантируетъ ему личную неприкосновенность и полную безнаказанность. Тогда подъ прикрытіемъ штыковъ, возстановившихъ «порядокъ», эта обывательщина многоликая и многоголовая, какъ озвѣрѣвшее чудовище, храбро кидается впередъ, упрекая штыки въ слабости, и творитъ кровавую расправу. Этотъ слой «гражданъ», къ которымъ нынѣ аппелируетъ угнетенная невинность изъ «Дня» и «Дѣла Народа», первымъ дезертируетъ и уходитъ въ подполье въ минуты пораженій и первымъ поднимаетъ нагло голову въ моментъ побѣды, совершенной чужими руками. Въ годину, подобную той, которую мы переживаемъ, онъ бездѣйствуетъ. Единственной формой его политической активности является волеизъявленіе въ видѣ «всеобщаго и тайнаго» голосованія. Разъ въ годъ, либо въ два, три, четыре года разъ онъ забываетъ о дѣлахъ и о выгодныхъ сдѣлкахъ и спекулятивныхъ операціяхъ и на полчаса становится гражданиномъ, опуская свой бюллетень въ избирательную урну. Съ нимъ, конечно, нельзя завоевывать въ открытомъ бою ни «всеобщаго, равнаго», ни вообще какого бы то ни было права. Онъ беретъ то, что ему даютъ. Но этотъ слой какъ разъ годится для политическихъ шарлатановъ, чтобы изображать «общественное мнѣніе» и «голосъ страны». Для мелкихъ буржуа, драпирующихся въ тогу оборон-

ческаго соціализма, это тотъ декоративный народъ, который долженъ въ Учредительномъ Собраніи рѣшить судьбы страны и задавить своими голосами рабоче-крестьянскую демократію, пишущую своей кровью новую конституцію соціальной республики въ Россіи.

Этому навозу исторіи, налипающему къ колесницѣ тріумфатора, этому всегда консервативному слою, отстаивающему лишь то, что уже завоевано, безсознательно усвоившему формулу гегеліанства «что все существующее разумно» и является абсолютомъ на скорбномъ пути человѣчества, совѣтская организація противопоставляетъ все то, что есть наиболѣе активнаго въ населеніи, тѣ организованныя массы, которыя свершили февральскую революцію и вынесли на своихъ плечахъ тяжесть октябрьскаго переворота. Тѣ, кто думаетъ, что эти массы, вырвавшія свои права въ бою, признаютъ безропотно гегемонію «сѣраго» и «чернаго», идущаго возстановить «законнымъ» путемъ права капитала, жестоко разочаруются. Мы знаемъ, что борьба за укрѣпленіе Совѣтской власти не исчерпывается нашей побѣдой у Царскаго или у Гатчино, что это цѣлая историческая полоса испытаній, открывающаяся передъ русской и міровой революціонной демократіей. И въ тѣсномъ союзѣ съ возставшими массами Европы наша молодая, первая въ мірѣ демократія выйдетъ либо съ перебитымъ на долгіе годы хребтомъ, либо побѣдительницей.

IV.

Русская революція могла бы оказаться разбитой только при двухъ гипотетическихъ условіяхъ:

Во первыхъ, если бы она повлекла за собой *экономическій регрессъ* Россіи, упадокъ ея производительныхъ силъ, матеріальное оскудѣніе страны, связанное съ общимъ паденіемъ производительности труда. Эту опасность въ качествѣ аргумента противъ октябрьской революціи выдвигаютъ не одни россійскіе «манчестерцы» чистой воды; признакъ экономическаго распада Россіи, какъ слѣдствія октябрьскаго переворота, особенно усердно вызываетъ та «служилая» марксистообразная интелигенція, которая вмѣстѣ съ акціями своихъ газетныхъ предпріятій запродала и свою душу русскимъ и иностраннымъ банкамъ.

Вторымъ условіемъ пораженія русской революціи была бы ея *международная изолированность*. Только въ томъ случаѣ,

если бы октябрьская революція оказалась бы явленіемъ *національнаго* порядка и протекла такъ же какъ и движеніе 1905—6 г. безъ какихъ бы то ни было крупныхъ потрясеній въ Западной Европѣ, она могла бы закончиться разгромомъ рабочей демократіи въ Россіи и возстановленіемъ священныхъ правъ капитала. Сдавленная желѣзнымъ кольцомъ имперіалистскихъ державъ новаго и стараго свѣта, экономически вырождающаяся въ западно-азіатскую колонію, разбитая на рядъ татарскихъ, бѣлорусскихъ, литовскихъ, украинскихъ «ханствъ», революціонная Россія задохнулась бы въ тискахъ своей самоизоляціи и вынуждена была бы ликвидировать по возможности скорѣе практику «соціализма всеобщаго голода» и массоваго обнищанія страны.

Февральская революція въ области экономической была такъ же половинчатой и безплодной, какъ и въ области чистой политики. Принципъ коалиціи демократіи съ цензовыми элементами, проводимый въ сферѣ обще-государственной политики дѣятелями масштаба Скобелева или Керенскаго, отражалъ лишь экономическія взаимоотношенія, установленныя февральской революціей между предпринимателемъ и рабочими на фабрикѣ. Здѣсь, на этой послѣдней, такъ же торжествовала или, вѣрнѣе сказать, должна была восторжествовать, по замыслу «героевъ» февральскаго переворота, коалиція между трудомъ и капиталомъ. Февральская революція не дерзнула посягнуть на *основы собственности;* санкціонировавъ капиталистическую эксплоатацію, она лишь расширила въ извѣстной степени экономическія права пролетаріата въ предѣлахъ, совмѣстимыхъ съ институтомъ частной собственности. Оставляя прибыль въ рукахъ капиталиста, она признала за рабочими право на повышеніе заработной платы путемъ стачекъ; не отрицая за капиталистами права монополизировать промышленность и устраивать свои тресты и синдикаты, она вынуждена была признать такое же право и за пролетаріатомъ, вырвавшимъ свою хартію экономическихъ вольностей на улицѣ. Она ввела во имя абстрактнаго принципа равенства *паритетное начало* при разрѣшеніи конфликтовъ между трудомъ и капиталомъ, *качественно приравнявъ десятки тысячъ*, представленныхъ трудомъ, *къ единицѣ*, представленной капиталомъ. Въ общемъ и цѣломъ она провозгласила сумму признанныхъ уголовнымъ и гражданскимъ кодексомъ буржуазіи правъ, правъ, отвоеванныхъ европейскимъ пролетаріатомъ давно въ теченіе XIX в. на Западѣ.

Въ глазахъ мелкаго буржуа, выкарабкавшагося изъ низкаго сословія на постъ «республиканскаго» министра и усердно списывавшаго свои декреты по министерству труда съ англійскихъ и австралійскихъ прописей, эта сумма правъ была максимумомъ того, что могла дать «буржуазная» революція.

Мелкаго буржуа мало смущало то обстоятельство, что такъ называемое паритетное начало есть одинъ изъ наихудшихъ видовъ плюральной [1]) системы голосованія, что оно санкціонировало чудовищное неравенство, предоставляя одно и то же количество голосовъ и капиталистическому *меньшинству* и пролетарскому *большинству*. Да и само право свободы стачекъ, поскольку оно находило свой коррективъ въ свободѣ капиталиста замѣщать бастующихъ штрейхбрехерами, носило призрачный характеръ. *Личность* отдѣльнаго капиталиста на основаніи декларація «правъ человѣка и гражданина» въ вопросѣ стачекъ была одарена такими же правами, какъ и цѣлый *коллективъ* трудовой массы. Буржуазное законодательство, исходя изъ идеи политическаго равенства и магической формулы «всеобщаго и равнаго», признавало за трудовымъ коллективомъ право бороться противъ эксплоатирующей ихъ личности при помощи стачекъ, но личности капиталиста оно давало въ то же самое время право ломать волю всего трудового коллектива при помощи локаута, узаконяя самое отвратительное экономическое неравенство. Прибавьте къ этому, что предпринимательскіе тресты, объединяющіе десятокъ другой капиталистовъ, но располагающіе огромными капиталами, печатью, «общественнымъ мнѣніемъ», цѣлымъ слоемъ наемниковъ изъ «трудовой интелигенціи», уравнивались буржуазнымъ законодательствомъ въ правахъ съ милліонными профессіональными союзами, объединяющими экономически порабощенныя массы, и передъ вами ясно встанетъ картина всей ограниченности экономическихъ завоеваній пролетаріата въ февральской революціи. Всѣ пресловутыя «вольности», провозглашенныя «великой» хартіей труда, были разсчитаны на мирный періодъ органическаго развитія капитализма въ Россіи и спокойнаго сожительства пролетаріата и буржуазіи до того момента, когда достигшій полнаго расцвѣта капитализмъ создастъ

---

[1]) Плюральная система голосованія примѣнялась до 1912 г. въ Бельгіи и заключалась въ томъ, что представляла право цензовымъ элементамъ пользоваться нѣсколькими голосами на выборахъ.

элементы для безболѣзненнаго перехода къ соціалистическому строю. Наконецъ коллективный договоръ на фабрикѣ долженъ былъ ликвидировать революцію въ экономическихъ отношеніяхъ труда и капитала такъ же какъ коллективный контрактъ между классами, именующійся на политическомъ языкѣ конституціей, долженъ былъ покончить съ «анархіей» на улицѣ и превратить вооруженную борьбу классовъ въ борьбу парламентскую.

Октябрьская революція спутала всѣ расчеты сторонниковъ органическаго развитія капитализма. Она поставила въ порядокъ дня вопросъ о собственности и не только въ томъ масштабѣ, въ какомъ поставила его Великая Французская революція 1789 г., т. е. въ смыслѣ уничтоженія феодальныхъ привилегій имущихъ классовъ; впервые въ мировой исторіи, если не считать коммуны 1871 г., рабочій классъ попытался покуситься на основы *собственности капиталистической*. Впервые передъ его союзами, фабрично-заводскими комитетами встали не только боевыя задачи въ отношеніи заработной платы, сокращенія рабочаго дня, но и цѣли невиданнаго въ мировомъ рабочемъ движеніи порядка: *установленіе рабочаго контроля надъ производствомъ*. Изъ боевыхъ организацій, противопоставленныхъ буржуазному государству, стоящихъ въ нѣкоторомъ родѣ за чертой оффиціальной государственности, октябрьская революція превратила профессіональные союзы въ *отвѣтвленія рабочаго государства*. И поскольку пролетарскія организаціи стали неотъемлемой частью государственнаго аппарата, онѣ должны были отрѣшиться отъ старой цеховой точки зрѣнія и исходить въ своей дѣятельности изъ соображеній общегосударственнаго характера. Пролетаріатъ какъ коллективъ сталъ *отвѣтственнымъ* за производство въ цѣломъ, за развитіе производительныхъ силъ въ странѣ; изъ парія, обогащающаго кого-то другого, онъ превратился въ члена трудовой республики, работающаго на общество. Вмѣсто частной иниціативы, руководимой жаждой наживы, октябрьская революція выдвинула въ производствѣ новый экономическій факторъ—*трудовую солидарность*. И споръ между сторонниками буржуазной и пролетарской революціи идетъ о томъ, окажется ли этотъ новый факторъ могущественнѣйшимъ двигателемъ въ экономическомъ развитіи Россіи, болѣе сильнымъ, чѣмъ *частная иниціатива*.

Колѣнопреклоненные передъ институтомъ частной собственности лакеи въ преобладающей роли трудовой солидарности кол-

лектива склонны видѣть гибель всего хозяйственнаго организма. А между тѣмъ война давно въ цѣломъ рядѣ отраслей народнаго хозяйства уменьшила, а порой свела къ нулю значеніе частной иниціативы. Возьмемъ ли мы продовольственное дѣло, перешедшее изъ рукъ частныхъ торговцевъ въ руки организацій, или тотъ половинчатый чиновничій контроль надъ промышленностью, къ которому подъ давленіемъ военныхъ обстоятельствъ вынуждено было перейти еще при старомъ режимѣ романовское государство, возьмемъ ли мы попытки регулировать вздутыя спросомъ цѣны путемъ приближенія ихъ къ *трудовой стоимости* предмета потребленія или попытки регулированія самаго потребленія при помощи карточной системы, возьмемъ ли мы, наконецъ, падающую роль денегъ и возвращеніе развитаго капиталистическаго общества къ непосредственному товарообмѣну, какъ мы будемъ вынуждены признать, что все это явленія необычайныя, что того, кто предсказалъ бы ихъ 4—5 лѣтъ назадъ, въ Россіи сочли бы сумасшедшимъ, такъ же какъ николаевское общество сочло когда-то сумасшедшимъ «европейца» Чаадаева. Война породила, напримѣръ, въ Европѣ и Россіи особый видъ коммунизма голода и цѣлый рядъ такихъ мѣропріятій, о которыхъ до сихъ поръ говорили лишь «фантазеры» отъ соціализма. Россія такъ же какъ и высокоразвитыя капиталистическія страны Европы пошла для нея совершенно новымъ путемъ, правда, пошла хаотически безъ единаго цѣльнаго плана, охватывающаго всѣ отрасли народнаго хозяйства. Война въ извѣстномъ смыслѣ экономически *нивеллировала* отсталую Россію съ передовыми государствами Европы. Но россійскій пролетаріатъ въ силу революціонной обстановки оказался въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ западно-европейскій рабочій классъ.

Октябрьская революція передала въ его руки государственный аппаратъ и тѣмъ самымъ превратила «государственный» контроль надъ производствомъ въ рабочій контроль. Но чего не могли усвоить нѣмецкіе соціалъ-шовинисты, узрѣвшіе въ государственномъ контролѣ прусской монархіи начало мирной соціальной революціи, то своимъ здоровымъ революціоннымъ инстинктомъ понялъ русскій пролетаріатъ. Онъ понялъ, что государственный контроль становится боевымъ лозунгомъ пролетаріата лишь съ того момента, когда онъ самъ овладѣваетъ государственной машиной, лишь тогда изъ средства въ рукахъ правящихъ классовъ отсрочить

свое паденіе, государственный контроль превращается въ средство приближенія торжества соціализма. Коммунизмъ голода, созданный на развалинахъ человѣческой культуры войной, пролетаріатъ можетъ и долженъ превратить въ коммунизмъ всеобщаго народнаго богатства. Эта гигантская цѣль и стоитъ послѣ октябрьской революціи передъ творцомъ и созидателемъ народнаго благосостоянія Россіи—передъ рабочимъ классомъ. Ему недостаточно побѣдить своего врага *стратегически* на томъ или иномъ внутреннемъ фронтѣ, ему мало одержать ту или иную *политическую* побѣду на выборахъ, всѣ эти побѣды лишь отдѣльные частичные эпизоды на томъ тяжеломъ пути, который ждетъ его впереди. Чтобы упрочить завоеванія октябрьской революціи, пролетаріатъ *долженъ экономически преодолѣть* капитализмъ, а преодолѣніе капитализма есть длительный процессъ наростанія элементовъ соціалистическаго строя въ экономически отсталой Россіи. И если въ этой творческой работѣ россійскій пролетаріатъ потерпитъ временное крушеніе, пройденная имъ наука управленія экономической жизнью страны войдетъ въ желѣзный фондъ того революціоннаго опыта, изъ котораго европейскій пролетаріатъ будетъ черпать знаніе и силу на новомъ перевалѣ міровой революціи.

V.

Европейская война нивеллировала Россію или вѣрнѣе сказать Европу съ Россіей не только въ смыслѣ коммунизма голода. Она ознаменовала собою начало *военной диктатуры* буржуазіи, ликвидировавшей повсюду всѣ «свободы» парламентскаго строя; всѣ правительства какъ республиканскія, такъ и конституціонно-монархическія въ одинаковой степени усвоили классическіе пріемы управленія царской монархіи; печать была поставлена подъ цензуру, свобода собраній отмѣнена, вѣрные революціоннымъ завѣтамъ интернаціонала соціалисты повсюду вынуждены были перейти на нелегальное положеніе, военные суды и разстрѣлы приняли небывалые размѣры—однимъ словомъ, Европа блестяще демонстрировала единообразіе политическихъ формъ всеобщей реакціи. Сама европейская война *была наиболѣе острой формой реакціи* имущихъ классовъ противъ международнаго движенія пролетаріата. Это была освященная традиціей религіи «отечества» дьявольски жестоко проведенная *массовая казнь* пролетаріата,

которая должна была покончить на долгіе годы съ выросшимъ за четверть вѣка существованія Интернаціонала въ серьезную силу рабочимъ движеніемъ.

Наканунѣ войны въ Европѣ прорывались частичныя вспышки пролетарскаго возстанія въ видѣ демонстрацій, агитація противъ войны и «*братаніе*» народовъ принимали угрожающія формы. Шейдеманъ ѣздилъ во Францію брататься съ французскими рабочими на площади Пре-Сенъ-Жерменъ, Жуо секретарь конфедераціи труда наносилъ визитъ отъ имени французскаго пролетаріата «бошамъ» рабочаго Берлина; ни международные конгрессы, ни встрѣчи соціалистовъ на той или иной территоріи не почитались государственнымъ преступленіемъ и не разсматривались тогда какъ измѣна своему народу. «Легально» европейская буржуазія не могла продѣлать государственнаго переворота безъ неизбѣжнаго риска вызвать волну пролетарскаго возстанія; кинуть народныя массы подъ каблукъ военной касты она могла лишь обходнымъ путемъ. И то, что предвидѣлъ Энгельсъ еще въ 1894 г., когда писалъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ въ Германіи, случилось: европейская буржуазія первая нарушила «легальность», и вступила на путь отмѣны всѣхъ обычныхъ нормъ парламентской жизни. Установленная ею сначала войны военная диктатура, соотвѣтствовавшая послѣдней стадіи развитія капитализма, свидѣтельствовала о томъ, что полоса мирнаго сожительства классовъ закончилась навсегда, что «конституція», выражавшая соотношеніе реальныхъ силъ цѣлей органической эпохи, разорвана, что Европа вступила въ періодъ чрезвычайно обостренной классовой борьбы. Даже Каутскій, не принадлежавшій, какъ извѣстно, къ лѣвому крылу нѣмецкихъ марксистовъ, а тѣмъ болѣе вначалѣ войны, вынужденъ былъ признать въ опубликованной имъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1914 года статьѣ [1]), что первымъ послѣдствіемъ европейскаго конфликта будетъ нарушеніе установившагося легальнаго status quo въ соотношеніяхъ классовъ. Въ Россіи, скованной дворянско-абсолютистскимъ режимомъ, эта диктатура приняла наиболѣе звѣрскія отвратительныя формы. Русское «оборончество», пріявшее безропотно сначала подъ видомъ непротивленія войнѣ, потомъ подъ видомъ активнаго ей содѣйствія, режимъ дворянской диктатуры, было тѣмъ циничнѣе и подлѣе, что оно европеи-

[1]) Neue Zeit. Еженедѣльникъ Нѣмецкій Соц. Дем.

зировалось и даже раньше, чѣмъ сумѣло пройти сквозь парламентскую выучку Шейдемановъ и Реноделей.

Февральская революція свергла режимъ дворянской диктатуры, но она попыталась, имѣя передъ собою европейскія модели, замѣнить его такой диктатурой, въ которой бы руководящую роль играла крупная буржуазія, а не соціально гибнущее дворянство. Особенно эта тенденція февральской революціи сказалась ясно послѣ іюльскихъ дней, отмѣтившихъ собою несомнѣнный поворотъ въ сторону ликвидаціи завоеваній революціи.

Два претендента выступили въ этотъ моментъ на политическую арену для осуществленія военной диктатуры, которая должна была парализовать дальнѣйшее развитіе и углубленіе революціоннаго процесса. Во первыхъ, Керенскій этотъ наиболѣе яркій представитель переметнувшейся послѣ іюльскихъ дней къ цензовымъ элементамъ мелкой буржуазіи, во вторыхъ тріединая военная ипостась въ лицѣ генераловъ Корнилова, Каледина и Алексѣева, пролагавшая дорогу власти крупной буржуазіи въ ея наиболѣе чистомъ кристаллизованномъ видѣ, свободномъ отъ какого бы то ни было компромисса съ радикальной партіей мелкой буржуазіи. Послѣ военнаго паденія Корнилова, послѣдовавшаго вслѣдъ за соціальнымъ пораженіемъ партіи г. Милюкова, роль водворителя «порядка» выпала Керенскому или вѣрнѣе сказать тому интеллигентскому крылу мелкой буржуазіи, которое увѣровало всерьезъ въ свою провиденціальную миссію по части созданія у насъ военной диктатуры европейскаго типа. Какъ усердствующій приказчикъ оно старалось выдержать въ глазахъ хозяина экзаменъ на государственную зрѣлость, взявъ на себя осуществленіе тѣхъ задачъ, которыя были не подъ силу его собственному хозяину.

Эсеровско-меньшевистское оборончество было идейнымъ знаменемъ, подъ которымъ выступалъ этотъ новоявленный «соціалистическій» бонапартизмъ. Особенно приспособленнымъ для этой роли оказалось мартовское эсерство, въ рамкахъ котораго безъ вреда для «общаго дѣла» уживались и явные корниловцы: Бурцевъ и Савинковъ и недавній «пораженецъ» г. Черновъ и многочисленный слой вчерашнихъ черносотенцевъ, обрѣвшихъ въ себѣ неожиданно соціалистическую душу. И имущіе классы великолѣпно учли политическую функцію эсеровско-меньшевистскаго оборончества; они поняли, что то, чего не могъ осуществить Корниловъ,

то легче будетъ провести въ жизнь Керенскому и Церетели, являвшимся своего рода рупоромъ, черезъ который буржуазная контръ-революція получала возможность говорить съ массами.

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что странѣ, захваченной соціальнымъ потрясеніемъ, фракція радикальной мелкой буржуазіи вынуждена была въ отличіе отъ французской революціи выступать предъ массами съ «соціалистическими» программами, то станетъ понятнымъ, почему въ Россіи на долю «соціалистовъ» выпала та работа, которую во Франціи выполняетъ Клемансо, а въ Англіи Ллойдъ Джорджъ. Такъ же какъ и нынѣ послѣ корниловскихъ дней крупная буржуазія предпочла на время стушеваться и уйти съ поля битвы, оставивъ на форпостахъ преданную ей безъ лести мелкобуржуазную интеллигенцію, которая какъ цѣпная собака оскаливала зубы на охранѣ хозяйскаго добра. И если миссія штатскаго адвоката, тосковавшаго по лаврамъ бѣлаго генерала, и не удалась, то корни этой неудачи нужно искать въ отсутствіи широкаго соціальнаго базиса, на который могъ опереться соціалистическій бонапартизмъ Филоненко, Савинкова, Керенскаго.

Октябрьская революція противопоставила военной диктатурѣ, поддерживаемой цензовыми элементами въ союзѣ съ Керенскимъ и Церетели, диктатуру пролетаріата и бѣднѣйшихъ слоевъ крестьянства. Подобно тому какъ россійскій капитализмъ оказался наименѣе жизнеспособнымъ и меньше всего проявилъ сопротивляемости передъ натискомъ четвертаго сословія, такъ и военная диктатура въ Россіи сгнила на корню раньше, чѣмъ сумѣла развить всѣ заложенныя въ ней возможности. Диктатура крупной буржуазіи, возглавляемая нынѣ Калединымъ, могла опереться по крайней мѣрѣ на реакціонный офицерскій корпусъ, на бѣлую гвардію изъ юнкеровъ, на добровольческіе отряды изъ молодыхъ повѣсъ и напомаженныхъ купеческихъ саврасовъ, промѣнявшихъ гастропомію Донона на бранные потѣхи воинственнаго Дона. Диктатура, возглавляемая Керенскимъ, встрѣчала лишь поддержку со стороны захудалой неврастенической русской интеллигенціи, которая могла клясться великими могилами, но сама была неспособна ни на какой подвигъ, ни на самопожертвованіе. Наиболѣе активные люди, вродѣ бывшаго террориста Савинкова, въ концѣ концовъ бѣжали изъ этого Бедлама духовной дряблости, идейной расхлябанности и политической немочи все на тотъ же Донъ...

Только Совѣтская диктатура могла опереться соціально на цѣлые классы, въ военномъ отношеніи на армію. И совѣтской диктатурѣ суждено было въ обстановкѣ переходной эпохи отъ капитализма къ соціализму взять на себя объективное разрѣшеніе тѣхъ задачъ, которыя въ буржуазныхъ революціяхъ XIX в. въ Европѣ выпадали на долю Кавеньяковъ и Тьеровъ. Пролетаріатъ въ своей классовой революціи долженъ былъ создать на внутренней аренѣ *твердую власть*, которая бы сломала упорство имущихъ класовъ. Онъ не могъ останавливаться при осуществленіи своей исторической задачи передъ соображеніями сентиментальнаго порядка и дать себя увлечь пустозвонными разговорами о преимуществахъ права предъ грубой силой. Въ противовѣсъ безсильнымъ интеллигентскимъ душамъ, сдающимся всегда на милость побѣдителя а потому неустанно взывающимъ къ «попранному праву», Совѣты должны были во внутреннихъ отношеніяхъ вступить на путь отмѣны «конституціонныхъ» гарантій и диктовать свою волю, подъ угрозой отточеннаго клинка злобно шипящему врагу. И если можно было упрекнуть въ чемъ либо Совѣты, то только лишь въ томъ, что они не всегда достаточно рѣшительно осуществляли эту твердую власть и склонны были отдавать дань декламаціи о принципахъ попранной давно имущими классами свободы.

Въ области внѣшней политики Совѣтская диктатура также имѣла и имѣетъ свои особенныя цѣли. Великая французская революція 1789—93 не могла замкнуться въ границахъ Франціи. Она подняла въ лицѣ Наполеона мятежъ противъ всей феодальной Европы, но она разрѣшила это столкновеніе революціонной буржуазіи съ консервативными феодалами своими собственными, свойственными ея классовой природѣ, средствами. Милитаристскимъ путемъ при посредствѣ своего генерала Бонапарта французская революція попыталась себя *утвердить извнѣ* при помощи завоеваній, упавъ въ концѣ концовъ раздавленной подъ тяжестью своихъ внѣшнихъ побѣдъ. Великая *буржуазная* революція прошлаго столѣтія, открывшая такъ же какъ и наша революція новую страницу въ міровой исторіи, благодаря естественному стремленію расширить кругъ своего вліянія, явилась источникомъ новѣйшаго милитаризма и тяги къ имперіалистскимъ захватамъ.

Русская революція неизбѣжно погибла бы безъ внѣшняго самоутвержденія, но *средства проникновенія ея въ Европу*

иныя. Революціонная Россія не имѣетъ соотвѣтствующаго милитаристскаго аппарата, чтобы раздавить забронированные до ушей европейскіе имперіалистскіе колоссы. Никакой русскій Бонапартъ не въ состояніи въ современной войнѣ высокой техники нанести такой ударъ капиталистической Европѣ вообще и серединнымъ имперіямъ въ частности, который бы ознаменовалъ собою начало соціалистической революціи, занесенной на западъ русскими побѣдоносными штыками. Новая красная армія соціалистической Россіи слишкомъ слаба, чтобы она могла разсчитывать сломить прекрасно налаженную машину европейскаго милитаризма. Капиталистическая Европа будетъ раздавлена не извнѣ чужими штыками, а тѣми самыми внутренними штыками, которые были поставлены ею себѣ на службу съ начала войны. Тотъ самобытный «бонапартизмъ» русской революціи во внѣшней политикѣ, который насаждался у насъ съ такимъ преступнымъ легкомысліемъ до 18-го іюня Керенскимъ, потому и оказался блюффомъ, что онъ пытался противопоставить въ военномъ отношеніи революціонную Россію консервативной Европѣ. Роль Бонапарта въ пролетарской революціи принадлежитъ не личности, а коллективу: *имя которому «Интернаціоналъ»*. Движеніе на западъ русской революціи тѣсно связано съ возрожденіемъ и расцвѣтомъ Интернаціонала. И октябрьская революція и совѣтская диктатура сдѣлали въ смыслѣ упроченія во внѣ завоеваній россійскаго пролетаріата гораздо больше, чѣмъ всѣ конференціи Циммервальда и Стокгольма. Объ этомъ говорятъ тѣ многочисленные «ходоки» европейскаго пролетаріата, которые стекаются въ столицу Россіи, чтобы воочію увидѣть въ самой отсталой европейской странѣ побѣду рабочаго класса, объ этомъ свидѣтельствуетъ и то колоссальное впечатлѣніе, которое произвелъ октябрьскій переворотъ во всемъ мірѣ, и который поставилъ осуществленіе соціализма какъ очередную задачу въ порядокъ дня. Все международное значеніе русской революціи не въ громѣ ея внѣшнихъ побѣдъ, а въ моральной силѣ, разлагающей устои европейскаго милитаризма. И не далекъ тотъ день, когда эта моральная сила россійскаго рабочаго класса окажется сильнѣй всей тяжелой артиллеріи, разставленной нынѣ на дорогахъ ведущихъ къ западу.....

И. Безработный.

Издательство «ПРИБОЙ» Николаевская, 12.